

Предупреждение: Присутствуют описания и изображения насилия, крови и смерти.

Чэнь Мяо Пин быстро закрыл глаза и почувствовал, как его голова внезапно заболела от боли. Если Се Ян Пин охранял городские ворота, это означало, что Се Юй Чжи все еще находится внутри Императорского дворца.

Ситуация выглядела не очень хорошо, иначе почему бы так мало людей осталось защищать ворота? Зачем его тестю нужно было привести большую часть войск, охранявших ворота, для помощи в защите дворца?

Пока он думал, ворота открылись, и солдаты Да Цзин вышли из города, чтобы забрать брошенное оружие и тела своих товарищей. Воспользовавшись этим шансом, Чэнь Мяо Пин присел и тихо направился к воротам. Используя темноту ночи как прикрытие, он затащил труп солдата Да Джина обратно в лес.

Это был первый раз, когда Чэнь Мяо Пин прикоснулся к мертвому человеку, и его тело все еще сохраняло тепло. Из груди мужчины торчала стрела, а его рана уже вспенилась белой пеной и раздувалась от дождевой воды. Сама броня казалась маслянистой и липкой, и было неизвестно, что сделало ее такой, будь то кровь или какие-то другие остатки.

«Извини... за неуважение к тебе...»

Он неуклюже снял броню с тела и быстро сменил одежду. Чэнь Мяо Пин зафиксировал положение шлема и поднял с земли меч, прежде чем покрыть лицо грязью и раствориться в войсках армии Да Цзиня.

Он последовал за остальными, подбирая трупы как труп Да Джина и загружая их на деревянную тележку у подножия городских стен. Чэнь Мяо Пин двигался очень медленно, намеренно медленнее остальных на полшага. Видя, что на него никто не обращает внимания, он быстро двинулся и перешел через городские ворота на переулок.

У патрулирования улиц как части обычного рабочего распорядка была хорошая сторона. По крайней мере, Чэнь Мяо Пин знал, где были небольшие переулки и короткие пути, что позволяло ему догнать Се Янь Пина в кратчайшие сроки.

На улицах никого не было, и все горожане плотно закрывали двери и окна. Даже самая шумная и оживленная улица Пин Кан была лишена активности и света. Были некоторые магазины, которые не успели закрыть свои двери, и, взглянув на них, можно было увидеть, как их товары разлетелись по полу, как будто их ограбили.

Обычно оживленный город стал похож на город-призрак.

Се Ян Пин быстро двигался со своими войсками. Но поскольку они только что пережили

ожесточенное сражение, они не сохранили строй. Некоторые из этих солдат получили ужасные ранения, и их медленно опережали.

Чэнь Мяо Пин довольно быстро бежал, чтобы наверстать упущенное, и спрятался за углом переулочка. Когда войска прошли мимо него, он проскользнул сзади, медленно увеличивая скорость, чтобы слиться с ними.

Очевидно, Ли Цинь Ван планировал это очень давно. Его частная армия была полна сильных обученных людей, которые могли сражаться с десятью солдатами регулярной армии самостоятельно. По сравнению с противниками, из тех, кто все ещё был верен Императору, удерживавшему форт, им было труднее заблокировать их продвижение.

Ситуация внутри городских стен казалась даже хуже, чем бездумная резня на полях сражений снаружи. Это не помогло евнухам и служанкам, сбегавшим отовсюду и куда угодно, чтобы спасти свои жизни, создавая атмосферу хаоса.

Небо становилось ярче, дождь постепенно прекращался. После такой напряжённой ночи боевое количество солдат Се Юй Чжи уже сократилось вдвое.

Сунь Тон поднялся по мощёным ступеням, и подошвы его ног были полны липких следов, скорее всего, от луж крови, через которые он топтался на поле боя. Он подводил свои войска все ближе и ближе к главному актовому залу Императорского дворца и безжалостно кричал:

«Пожалуйста, ваше величество, уйдите!»

Император был одет в полные доспехи, и с меча в его руке все ещё капала кровь. Окружённый убийственной аурой, он закричал:

«Как посмели эти жадные чиновники и незаконные воры выкрикивать такие неуважительные слова перед Чжэнь!»

Глаза Се Юй Чжи были ледяными, а лицо было залито запекшейся кровью. Серебряная броня на его теле также была залита кровью, настолько, что никто больше не мог видеть первоначальный цвет его брони. Он крепко держал в руке длинный меч, защищая Императора за спиной. Обладая убеждением и непоколебимостью, которую невозможно приструнить, он холодно заявил:

«Беззаконные воры и чиновники, осмелившиеся восстать, все вы и ваши семьи будут казнены».

Хотя Сунь Тон имел преимущество, однако он сам не показывал этого. Вместо этого он чувствовал, что ситуация плохая. Согласно его первоначальным планам, в это время он должен был уже захватить Имперский город.

Но всю ночь он был занят Се Юй Чжи и его войсками, сражаясь против него и крошечного количества людей, которых он возглавлял. Даже с комбинацией его армий и армии Ли Цинь Вана их все ещё было недостаточно, чтобы захватить Имперский город.

Его противники явно находились в конце боевой линии, но это означало только то, что он не имел права быть в этот момент безрассудным и просто открывать огонь, опасаясь, что они уничтожат больше его войск в последнем бою.

Сунь Дун на шаг приблизился к Се Юй Чжи:

«Генерал Се, у вас такой редкий талант. Зачем вам отдавать свою жизнь ради кого-то столь незначительного для вас? Почему бы вам не перейти на мою сторону, и я могу пообещать вам славу и богатство, как и сейчас. Если бы вы проиграли здесь, как жаль, но как жаль, что нет...».

Третий сын семьи Се, Се Пин Чжи, также хорошо разбирался в боевых искусствах, и Се Ян Пин заставил его надеть доспехи и присоединиться к битве. Когда он понял, что ситуация выглядит не очень хорошо для его стороны, ему захотелось все бросить и сбежать. Но, в конце концов, он был убит одним ударом Сунь Тонем, что положило конец его жизни, когда он упал с лошади.

Се Юй Чжи холодно посмотрел на него, но он ничего не сказал. И все же насмешка в его глазах была явно очевидной, и Сунь Тон сошел с ума от его взгляда. Меч Сунь Тона в ярости опустился вниз, разрубив ближайший подсвечник пополам. Он направил свой меч на Императора, злобно крикнул:

«Убить! Убить их всех! Кто бы ни представил мне головы этого долбаного Императора и Се Юй Чжи, этот генерал запишет того, кто совершил важный поступок и наградит его невообразимыми наградами! »

В тот момент, когда он произнес последнее слово, снаружи раздался громовой грохот. Все почти вскочили от страха, и вскоре после этого раздавались все ближе и ближе звуки резни. Сунь Тон в шоке оглянулся, увидев Се Янь Пина, ведущего свои войска на помощь Императору.

Быстро скользя на лошади, Се Ян Пин что-то держал в руке. Одним движением его запястья это что-то идеально приземлилось у ног Сунь Тона. Сунь Тон посмотрел вниз, и на него уставилась голова, все ещё капающая и сочащаяся свежей кровью.

Се Ян Пин крикнул всем во дворце:

«Мятежник Ли Цинь Ван уже убит. Ваши самые важные и изощрённые заказы закончились. Быстро сдавайся, и тех, кто сдастся, не убьют!»

Солдаты, стоящие за Сунь Тонем, находились в состоянии шока, и Император немедленно

воспользовался этим шансом и выступил вперед. Его глаза смотрели на всех:

«Чжэнь знает, что вы все были соращены соблазнительными словами и сладкой ложью. Жэнь теперь дает вам шанс. Опустите мечи и сдайтесь, и Чжэнь поклянется на могилах своих предков, те, кто это сделает, не будут убиты!»

Глаза Се Юй Чжи осмотрели всех солдат противника, и некоторые из них даже когда-то входили в состав их войск. Он вложил свой меч в ножны, ясно выразив свое отношение, и отступил на несколько шагов позади Императора. Он сказал торжественным голосом:

«Те, кто сдастся, не будут убиты!»

«Дон Тон».

Раздался лёгкий звук. Неизвестно, чей клинок первым упал на пол, но это было похоже на сигнал. За этим звуком следовало все больше и больше тех, кто сдавался. Сун Тон яростно оглянулся на них, глаза горели яростью:

«Вы все сошли с ума?! Подбери мне все это оружие прямо сейчас! Забрать их! Этот старик говорит вам забрать их всех! Их словам нельзя верить! Им нельзя доверять!»

Он был в безумном состоянии, пинал солдат вокруг себя, которые сдались. Как будто он решил, что этого недостаточно, чтобы усмирить свой гнев, и он даже захотел и решил обезглавить их всех.

Именно в это время была выпущена стрела, и все окружающие могли услышать только удар, прежде чем Сун Тон внезапно замёрз. Он отшатнулся на несколько шагов и упал прямо на пол. Его глаза были широко раскрыты, и было видно, что его горло пронзила стрела, конец которой все ещё вибрировал.

Глаза проследили за тем, откуда исходила стрела, и увидели, как Се Юй Чжи снова натянул лук, но на этот раз он был точно нацелен на тех, кто не сдался. Они снова застыли от шока, ясно ощущая исходящую от него смертоносную ауру, и они начали паниковать, глядя друг на друга.

Один из пальцев Се Юй Чжи расслабился, и стрела сверкнула холодным светом, беззвучно вселяя страх в их сердца. Наконец, другой «Дон Тон» и остальные повстанцы последовали его примеру и бросили оружие. Все они были достаточно напуганы, чтобы встать на колени и начать биться головой в сторону Императора:

«Ваше Величество, пожалуйста, пощадите наши жизни! Ваше Величество, пожалуйста, пощадите наши жизни!»

Было заявлено только, что сдающиеся не будут убиты, а не наказаны. Император взмахнул рукой в знак сигнала, и были люди, которые быстро утащили их.

Их ждала, возможно, сотня порок или, возможно, изгнание, вынужденное пройти не менее чем за тысячи миль. Что бы ни случилось, хорошего вывода их не ждёт.

Снаружи Чэнь Мяо Пин оказался посреди солдат, но со своей позиции он все ещё мог поймать взгляд Се Юй Чжи. Он смотрел на него издали, и, наконец, уголки его рта начали сгибаться, показывая улыбку, которая стала редкостью после всего, что произошло.

Напряжение, которое было так сильно в нем накручено, наконец-то ослабло. Он всю дорогу следил за Се Янь Пином, следуя за войсками, которые пробивались сквозь врагов. Все это время он прятался налево и направо, но, тем не менее, это было все ещё опасно, и его чуть не убили.

Но, к счастью ...

К счастью, он смог добраться сюда вовремя ...

Двое из них были все ещё живы, и у него все ещё была возможность вызвать другого Второго Мастера, он все ещё мог рассердить его, все ещё мог слышать крик Се Юй Чжи. Опять же, что он сволочь.

Чэнь Мяо Пин очень устал, и он чувствовал, что у него даже нет сил стоять больше. Его руки и колени горели от боли, и он прислонился к колонне позади себя для поддержки.

Он хотел перевести дыхание, чтобы отдохнуть, но внезапно раздался конь. Он подсознательно оглянулся, и его встретила длинная и сильная тень, прыгнувшая на лошадь, злобно хлестав ее, чтобы она выбежала из входа в Императорский дворец.

Хотя Чэнь Мяо Пин не мог ясно видеть лицо собеседника, он знал, что этим человеком, скорее всего, должен был быть Се Юй Чжи, потому что Чан Го Гун прыгал от ярости до такой степени, что забыл о своих любезностях и кричал:

«Неподобный сын! Теперь ты бунтуешь! Ты даже посмел украсть лошадь своего отца !!»

Чэнь Мяо Пин был достаточно ошеломлён, чтобы громко рассмеяться, но внезапно понял, что Се Юй Чжи хотел сделать. И все мысли об отдыхе растворились в воздухе. Что, если другой подумает, что сбежал жениться на женщине? Что бы он тогда делал?

У Императорского дворца каждые несколько шагов были трупы. Были тела служанок, тела евнухов, солдат и простолюдинов. Дороги из булыжника мыли несколько раз, но все ещё оставались неподвижные темно-красные тени. Все были заняты своими обязанностями,

поэтому никого не волновала эта быстро убегаящая лошадь.

В поместье Чан Го Гуна был произведен обыск, и все высококвалифицированные охранники, которые были оставлены для его защиты, были убиты. Структура построек была ещё цела, павильоны и озера, все казалось нормальным, как могло быть, но было мертвая тишина.

Никаких следов человеческой деятельности.

После ночи кровавых сражений у Се Юй Чжи уже не было сил. Он спрыгнул с лошади, и его ноги закачались, и он чуть не рухнул на землю. Но он заставил себя встать, хромя и вбежав прямо внутрь.

Двор Цюй Фэн был в ужасном состоянии, но Се Юй Чжи это не волновало. Он открыл секретный механизм, чтобы войти в подземную комнату, и...

Конечно, она была пуста.

Кирпичи под кроватью были хорошо засыпаны, но все ещё оставались следы царапин, которые свидетельствовали о том, что кровать открыта.

Его сердце, которое висело от страха, внезапно опустилось до нормального состояния. Должно быть, Чэнь Мяо Пин ушел.

Если он убежал, то было бы хорошо ...

Если он убежал, то было бы хорошо ...

Это означало, что Чэнь Мяо Пина не нашли те люди, которые пришли совершить набег на поместье. Он был умён, поэтому должен найти безопасное место, чтобы спрятаться. Когда известие о провале восстания распространилось, естественно, он должен был вернуться.

Но потом Се Юй Чжи подумал об этом. Империя Ляо не была полностью уничтожена, поэтому он должен взять с собой несколько людей, чтобы вместо этого найти его. В конце концов, когда Чэнь Мяо Пин был у него на глазах, было намного безопаснее.

Он снова запечатал подземную камеру и вышел, используя последние остатки своей энергии. Он не мог ожидать, что, переходя через дверной проем, его глаза поймут тень, притаившуюся у угла стены. Он остановился в удивлении.

Другой мужчина, казалось, заметил его шаги и поднял голову, чтобы посмотреть на Се Юй Чжи. Красивое лицо этого человека было покрыто грязью и сажой, но это не помешало Се Юй Чжи узнать его.

«Чэнь Мяо Пин...»

Се Юй Чжи использовал дверной косяк, чтобы удержаться, и уставился на Чэнь Мяо Пина неподвижными и напряжёнными глазами. Он забыл, как долго он не произносил эти три слова. Возможно, это был один день, может быть, десять дней, но казалось, что прошло много лет с тех пор, как он это сделал.

«Я не уходил».

Чэнь Мяо Пин так устал, что даже встать не мог. Он упёрся в стену и повернул голову, чтобы посмотреть на Се Юй Чжи. Тонем, намекающим на некоторую гордость, он снова повторил:

«Я не уходил».

Испуганный кот, тот, кто боялся смерти, Чэнь Мяо Пин, не ушел. Сам он считал это невероятным.

Адамово яблоко Се Юй Чжи пошевелилось, но слова не выходили. В конце концов, Чэнь Мяо Пин собрал некоторую энергию, чтобы подняться, и вышел вперед, чтобы обернуться вокруг Се Юй Чжи.

Он улыбнулся, и, как и много ночей назад, его руки медленно поглаживали вверх и вниз по спине Се Юй Чжи.

«Не волнуйся. Мы живём нормально ».

«Я не уходил. И я не выйду за женщину. Всю эту жизнь я буду только с тобой».

После умывания вчерашним дождем земля покрылась листьями. Китайское дерево-зонтик посреди двора слегка покачивало своими ветвями, опуская последний лист.

Он символизировал приближение зимы, но также означал приход весны.

<http://bllate.org/book/17367/1628915>